

Царь Смуты, пришелец с Запада. Приключения "царевича Дмитрия"

Михаил Михайлов

28 февраля 2025

 Приоритетный источник в Google

Лжедмитрий I. Голландская гравюра 1606 года

Радио Свобода повторяет публикацию из цикла "Развилки" – серии статей о переломных моментах истории, когда она могла пойти совсем другим путем. Какими были исторические альтернативы и почему они остались нереализованными?

Здесь вы можете найти *ссылки на другие серии цикла.*

20 июня 1605 года толпы москвичей теснились вдоль дороги в Кремль, встречая торжественную процессию, во всех церквях звонили в колокола, Народ бурными криками одобрения приветствовал явленного им впервые "доподлинного царя Димитрия Ивановича". По воспоминаниям современников, новый царь в богато украшенной золотом одежде ехал верхом на пышно убранном коне в сопровождении огромной свиты бояр и окольничих.

Это был день торжества человека, которого еще недавно проклинали как "самозванца Гришку Отрепьева". А историки теперь гадают, кто он был, якобы чудесно спасшийся от убиения в Угличе в возрасте восьми лет, бежавший, скрывавшийся и нашедший защиту в Речи Посполитой, а помощь в походе на Москву – от казаков и боярских детей южной части царства. Был ли он действительно выходцем из рода дворян Отрепьевых, или же неизвестного происхождения монахом-расстригой, или вовсе внебрачным сыном польского короля-полководца [Стефана Батория](#)? Большинство склоняется все же к основной версии самозванства, то есть к аванюре Григория Отрепьева. Реальный Дмитрий, младший сын Ивана Грозного, играя с ножом, в приступе эпилепсии зарезался 15 мая 1592 года. После смерти бездетного [Федора](#), старшего брата Дмитрия, царем был избран [Борис Годунов](#). Самозванец же в ранней юности служил при дворе бояр Романовых, потом стал монахом кремлевского Чудова монастыря, где занят был книжной наукой, помогал патриарху Иову. Судя по всем источникам, именно там он примерял на себя впервые роль спасенного царевича, расспрашивая об обстоятельствах гибели Дмитрия.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Украина, Московия и другие. Ярослав Шимов – о борьбе за восток Европы

Беглец

Народная молва упорно приписывала гибель малолетнего Дмитрия козням Бориса Годунова, якобы желавшего открыть себе дорогу к трону, но расследование [Василия Шуйского](#) в Угличе тогда показало, что смерть была следствием несчастного случая. Объяснить бытовавшее в народе суждение о заговоре Годунова можно тем, что выборный царь утратил популярность после трех подряд лет неурожаев из-за холодов и гибели от голода сотен тысяч человек, которым власти Московии не могли оказать необходимой помощи.

Чернец Григорий, которому за опасные разговоры грозила ссылка, чудом не случившаяся, с товарищами решил отправиться на богомолье в Киев, искать счастья в Польше. Добравшись до Киева, он расстригся и двинулся дальше, устроился служить при дворе князя Острожского. В школе ариан он изучал два года польский и латинский языки и другие премудрости. Мы можем предполагать, что были его попытки "открыться", но неудачные. Есть догадка, что в 1603 году побывал он в Запорожской Сечи, завязав полезные на будущее связи и пройдя там курс обучения военному делу.

В 1603 году молодой человек появился в городе Брагине, где поступил на службу к православному князю [Адаму Вишневецкому](#). Он сумел убедить князя в своей версии о том, что он – спасенный верными людьми царевич Дмитрий. Во время болезни Григорий признается в том священнику, тот доносит князю. Юноша показывает князю некие бумаги да золотой нательный крест с камнями, якобы данный ему матерью – царицей [Марией Нагой](#), в иночестве Марфой. Есть версия о том, что Григорий признался в своем якобы царственном происхождении дочери магната Юрия Мнишека [Марине](#), в которую он влюбился, а она уже сообщила эту новость князю. Указывал он на свои особые приметы: разную длину рук и бородавку на лице.

Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I. Портрет XVII века

В любом случае появление в его замке "доподлинного" претендента на русский престол было Вишневецкому выгодно: Речь Посполитая только что заключила с Московским царством мир, а у князя были к России территориальные претензии. Противником мира был и польский король [Сигизмунд III Ваза](#), но большинство польского Сената выступало за мирное сосуществование с царством Бориса Годунова. Достоверно известно, что Вишневецкий вместе с "новонайденным" царевичем появились в Самборе у львовского старосты и сандомирского воеводы и сенатора Юрия Мнищека. Видимо, здесь и возникает план признания претендента реальным царевичем Дмитрием Ивановичем и организации похода на Москву в защиту его "попранных прав". Мнишек же рассчитывал выдать Марину за царевича после победы и поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела. План опереться на государство не удался: влиятельные сенаторы отнеслись к идеям Мнищека скептически. Тем не менее Вишневецкий везет Дмитрия в марте 1604 года в Краков, где их 15 марта принимает частным образом в присутствии папского нунция Рангони король Сигизмунд III. Он признает царевича, назначает ему содержание и дает право вербовать наемников для похода на Московию. Тот обещает, взяв власть, передать Польше Смоленскую и Черниговскую земли. Дмитрий в апреле тайно принимает от францисканских монахов католичество.

В это время Москва требует от Польши выдачи самозванца Отрепьева, но терпит в том неудачу. Участники сделки возвращаются в Самбор и обмениваются обещаниями. Юрий Мнишек выдаст Марину замуж за Дмитрия, когда он будет царствовать. Ему обещан миллион рублей, а Марине – в управление Новгородская и Псковская области. Мнишеку посулили также Чернигово-Северскую землю без шести городов, которые передавались Сигизмунду III, а Смоленская земля делилась между королем и Мнишеком.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Судьба "западника" в России

Проект переходит в реальную плоскость: Мнишек начинает набор добровольцев-наемников. Львовский староста сумел наберечь в поход около 1600 рыцарей. К армии присоединяется до 2 тысяч запорожских казаков и отряд в несколько сот казаков донских. Этими силами после долгих сборов и был начат 15 августа 1604 года исторический поход на Москву. Границу войско перешло в октябре того же года. Московское войско тем летом ждало нападения крымских татар и ногайцев, какие-то силы были еще в районе Смоленска. Крымчаки в набег не пошли, и

войско как раз к осени было распущено. Борис Годунов не ждал нападения через Черниговскую и Новгород-Северскую землю, откуда пришло войско Дмитрия.

| *Начало похода*

Царевич решил развернуть агитацию, и его "прелестные письма" повезли эмиссары. Недовольство правлением Годунова было большое, и призывы поддержать "подлинного царя" получили быстрый отклик. Уже 21 октября армия Дмитрия вошла в город Моравск. Жители открыли ворота и выдали связанных воевод. Подобная картина повторялась неоднократно. В соседнем Чернигове восстали посадские люди, воевода Татев пытался обороняться в замке, который был захвачен жителями города и отрядом сподвижника Дмитрия Белешко. Сдавшись, воевода перешел на сторону противника.

Неудачу армия Дмитрия потерпела при осаде Новгород-Северского, который успешно защищал гарнизон во главе с боярином Петром Басмановым. Тот успел нейтрализовать местных смутьянов и собрал полторы тысячи воинов из соседних городков. Они отбили два штурма, 11 и 18 ноября. Нападавшие думали снять осаду, но в это время пришел успех: на их сторону перешел хорошо укрепленный каменными стенами Путивль, который сдали воевода Мосальский и дьяк Сутулов.

У Новгород-Северского 21 декабря произошло и первое крупное сражение между подошедшим на выручку крепости московским войском князя Федора Мстиславского и армией царевича. Пятнадцатитысячному войску Дмитрия удалось отбить сорокатысячную армию. Как пишут современники, и дети боярские, и сами бояре неохотно сражались против "истинного" государя.

Борис Годунов допрашивает Марфу Нагую, мать царевича Дмитрия. Картина Николая Ге

Но в его лагере начались "нестроения": наемники потребовали денег и занялись грабежами обоза, до тысячи из них решили уйти в Польшу, туда же собрался за войском и Юрий Мнишек. Пришлось снять осаду Новгород-Северского и уйти в Путивль. Дмитрий был вне себя, но это оказались лишь временные неудачи. К нему примкнули города Рыльск, Курск, Севск, Кромы, а их воеводы принесли присягу. Войско пополнили 12 тысяч донских казаков атамана Корелы.

21 января войско, посланное Борисом Годуновым, навязало самозванцу бой под Добыничами, который выиграло, имея преимущество в артиллерии, была перебита значительная часть конницы, захвачено 30 пушек. Под царевичем была убита лошадь, он спасся чудом. Вновь казалось, что Дмитрий побежден и обречен запереться в Путивле. Но царские воеводы действовали медленно, они осадили Кромы и Рыльск, чьи жители оборонялись, зная, что пощады им не будет. Терроризирование населения войском Годунова лишь усиливало поддержку Дмитрия. К тому же к царевичу подходили новые отряды с Дона, частью казаков он укрепил оборону Кром. В Путивле Дмитрий занимался агитацией, рассылая с доверенными людьми свои воззвания. Он продемонстрировал некоего монаха под именем Григория Отрепьева, чтобы доказать, что "расстрига" не он, а иной человек. Этот ход подействовал на многих. Именно во время "путивльского

сидения" Дмитрий рассуждал о желании послать молодых людей в Европу и об основании университетов. От слов к делу он потом не перешел.

| Заговор

Фортуна определенно в это время была на стороне царевича: поражения в боях не привели к разгрому движения, новые силы подтягивались в Путивль, действия Бориса Годунова не помогали, а, скорее, приводили к новым ошибкам. Дворянское войско не привыкло к зимней кампании, многие запросились по домам. Коалиция в пользу царевича выглядела как былинный змей, у которого после нанесенных ударов отрастали новые головы.

Осада Кром, где крепость находилась среди болот на холме, куда вела легко обороняемая дорога, утомила царскую армию. В Москве же случилась неожиданное – скоропостижно скончался царь Борис Годунов. По столице, где свирепствовало сыскное ведомство, пошел вздох облегчения. Покончив с опричниной, Борис в роли правителя, а потом царя популярности не обрел, поскольку репрессии к концу его жизни стали нарастать. Особенно сурово, вплоть до казней, наказывали за разговоры о царевиче Дмитрие. Страх перед самозванцем заставлял посылать в его лагерь тайных убийц. Борису в последний год его царствования не было удачи, что подрывало силу духа государя, переживавшего за судьбу сына-наследника.

“ Напала на него болезнь люта

13 мая 1605 года царь Борис ушел из жизни. Только он отошел от обеденного стола, "напала на него болезнь люта". Не прошло и двух часов, как Борис умер, едва успев

причаститься. На вопрос о присяге боярской Думы в его присутствии сыну Федору он успел ответить: "Как Богу угодно и всему народу". Бояре и высшее духовенство нарекли царевича Федора Борисовича царем и самодержцем через три дня после смерти его отца. Все они, а также вызванные в Кремль дворяне, дети боярские, приказные и купцы в присутствии патриарха присягнули Федору на верность. Такая же процедура присяги с записью в книги проходила и по городам Московского царства. Возможно, была допущена ошибка: в тексте не было обещания не иметь дел с самозванцем.

Удержаться на троне для малолетнего Федора, видимо, было сложно. Его мать – Мария Григорьевна, дочь опричника Малюты Скуратова, была непопулярна. Клан Годуновых не выдвинул сильных фигур, которые могли бы помочь Федору удержать власть. Вдобавок род был оклеветан легендой об убийстве и царевича Дмитрия, и царя Федора Ивановича. Амнистия преступников и опальных была вырвана у правительства возбужденными москвичами. Она вернула из ссылки и умелых интриганов вроде Богдана Бельского, и сильные фигуры, например, князя

Воротынского. Розданные из казны деньги на помин души Бориса так и не успокоили народ. Царице Марии и царю Федору пришлось вызывать из армии братьев Шуйских и князя Мстиславского, чтобы убедить толпы, приходившие к дворцу, что царевича Дмитрия на свете нет, а мутит воду беглый монах Григорий, наученный дьяволом и посланный стране в наказание за грехи. Увещевания бояр на время подействовали...

Судьба Бориса Годунова стала темой знаменитых произведений - одноименной трагедии Александра Пушкина и оперы Модеста Мусоргского. Сцена из оперной постановки "Борис Годунов" (1927)

Царь Федор назначил новое командование армии из двух персон: главнокомандующий князь Михаил Катырев-Ростовский полководцем не был. Рассчитывали на Петра Басманова как на героя обороны Новгород-Северского. В лагере под Кромами новые вожди привели войско к присяге. Но внутри армии между боярами шли бесконечные раздоры, воеводы местничали друг с другом.

Внутри утомленного московского войска назревал заговор, который организовали бояре братья Голицыны и рязанский дворянин Прокофий Ляпунов и его братья. После смерти царя, недовольные наследником, они затеяли переговоры со штабом Дмитрия в Путивле. Предлагалось Дмитрию дать те же права, что и Ивану Грозному. Иностранцев царь мог бы брать на службу, награждать поместьями, разрешить строить свои храмы, но в Боярскую думу не назначать. В Путивль из

Кром писали, что в войске после смерти Бориса "великое смятение", одни на стороне власти, другие против. Примкнул к заговору в последний момент и Петр Басманов, у которого были обиды на царицу Марию и ее род Скуратовых, в опричнину расправившийся со многими Басмановыми. Заговорщиков было немного, но армия от бездействия у Кром распадалась, устала ждать, помещики хотели по домам, иные бежали из войска под разными предлогами. "Воровские листы" от Дмитрия ходили по рукам.

“ Вору Расстриге крест втайне целовали и воевод на съезде переимали

В лагере дети боярские из Рязани, Каширы, Тулы, Алексина учинили мятеж, как писано в Разрядных записях, "вору Расстриге крест втайне целовали и воевод на съезде переимали". Считается, что 7 мая утром

казаки из Кром напали на лагерь, а Басманов с товарищами смогли связать часть воевод. Но не во всех полках мятеж удался. Командующий Михаил Катырев-Ростовский со сторонниками пытался подавить мятеж. Однако на стороне заговорщиков стихийно оказался многочисленный "посошный народ", даточные люди, часть стрельцов, в общем, низы, которые подхватили клич в пользу "царя Дмитрия". Многие в суматохе покинули лагерь. Басманову удалось переманить на свою сторону тысячу иностранцев капитана Розена. Воеводы, имевшие пушки, так и не решились стрелять. Атаман Корела со своим отрядом ворвался в лагерь и без стрельбы плетью отогнал сторонников Федора от пушек. Верных присяге воевод выгнали из лагеря, они отступили в Москву, за ними потянулись в разные стороны ратники, лишившиеся руководства. Часть армии осталась в распоряжении мятежников во главе с Басмановым. Правительство Годуновых, лишившись войска, было обречено.

| Падение дома Годуновых

Дмитрий в Путивле дождался делегатов от участников переворота лишь на пятый день. В армию Голицыных и Басманова он ехать не пожелал, послав боярина князя Лыкова организовать присягу. Он отдал приказ распустить ратников из городов южнее Москвы на отдых. Отпустил он и часть стрельцов и казаков. Остальным было приказано занять Орел и Тулу, которые немедленно капитулировали. Теперь несколько тысяч человек у царевича стали ядром армии, идущей на Москву. 19 мая он прибыл в Кром со своими отрядами. В Орле Дмитрий принял остальных мятежников, у которых осталось не так уж много дворянского войска. Воевод, верных Федору, рассадили по тюрьмам. Из Москвы к Дмитрию приехала первая делегация, звавшая его на престол как "природного государя".

СМОТРИ ТАКЖЕ

Был ли убит Иван Иванович? Детектив XVI века и его отголоски

Из-под Тулы самозванец посылает в столицу дворянина Гаврилу Пушкина и воеводу Николая Плещеева с воззванием, призывающим Москву покориться. Это была опасная экспедиция, поскольку эмиссаров мятежников при Борисе казнили и сажали в тюрьмы. Тем более что в это время сопротивление продолжалось. Несколько тысяч дворовых стрельцов царя Федора 28 мая заняли переправы и отбили попытки войск Дмитрия с поляками-наемниками переправиться через Оку. Сражение было проиграно. Остатки кромской армии воевать не хотели.

Законная власть в Москве в это время находилась как на вулкане. Город полнился слухами и волновался, опасность беспорядков росла. Настроения были панические, поскольку атаман Корела с казаками обошел заслоны и 31 мая 1605 года вышел к дороге на Ярославль в шести верстах от города, в районе Красного села. Рос страх того, что донцы поднимут в городе восстание. Так оно и получилось. Именно казаки доставили в город гонцов Пушкина и Плещеева с воззванием царевича Дмитрия. Жители Красного села под прикрытием казаков пошли в Москву "проводить" посланников царевича. И казаки привели их на Лобное место на Красной площади читать "воровские грамоты", несмотря на вроде бы занятые войсками правительства ворота и заставы. Видимо, число примкнувших жителей было таково, что стрельцы не рискнули с ними бороться.

Public domain

Убийство Феодора Годунова сторонниками Лжедмитрия. Картина Константина Маковского (1862)

На Красной площади Пушкин и Плещеев были уже в 9 утра. Послание было адресовано боярам и народу. "Истинный царь" клеймил Бориса Годунова и его сына Федора, обвинял их в кровопролитии, сняв ответственность с бояр. Годуновых

обвинял он в притеснениях. Боярам была обещана сохранность их вотчин, честь и повышение. Дворянам и приказным сулили царскую милость, купцам – льготы, а народу – тишину, покой и благоденствие. Непокорным грозили карами. Толпа внимала обещаниям и угрозам.

Царица Мария выслала на площадь бояр с тем, чтобы усмирить волнения. Мстиславский, Шуйский и Бельский пытались успокоить толпу. Выдающихся ораторов среди них не оказалось. Бояр не слушали. Каким-то образом на площади появились вызволенные из тюрьмы предыдущие агитаторы за Дмитрия и другие освобожденные. Кто выпустил на волю заключенных? Возможно, все те же казаки Корелы. Началось восстание. Толпа пошла в Кремль, и одни "учали дворы Годуновых грабить, в другие воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили". Описавшие мятеж сообщали, что царя Федора и его мать Марию захватили во дворце в Кремле, а под стражу посадили в старом доме Годуновых. По другим записям, царица ушла туда сама, а Федору помогли укрыться слуги. Арестовали их несколько позже. Мятежники разогнали стражу и разграбили царские палаты во дворце. В городе нападали на дворы бояр из рода Годуновых, а потом просто пошли грабить богатые дома. Будто бы во время бунта никого не убили и не казнили, но династия Годуновых рухнула.

| Самозванец на троне

Кто же подобрал власть? Караулы в Кремле подчинились боярину [Богдану Бельскому](#), затворившему ворота. Под его влиянием и опасаясь наступления с юга, Боярская дума решила послать своих представителей, не самых влиятельных, во главе с Воротынским к Дмитрию, как раз 5 июня прибывшему в Тулу. Более важная делегация князя Дмитрия Шуйского и Федора Мстиславского встречала претендента на престол в Серпухове, где московские чины поставили шатры и устроили в честь Дмитрия пир. Переговоры о передаче власти также были успешны. Уже с дороги царевич разослал по городам текст присяги "матери" Марфе Нагой и себе. Важно, что подданные должны были обещать не поддерживать Федора и Марию Годуновых, взятых под арест Боярской думой.

По требованию вельмож вынесли из Архангельского собора гроб с телом Бориса и подвергли поруганию. По сведениям иноземных послов, самозванец поставил условием принятия власти "убрать с дороги" молодого Федора Борисовича с матерью. В Москву была отправлена боярская комиссия во главе с князем Голицыным, боярином Мосальским, дьяком Сутуловым и воеводой Басмановым. В Кремле командовал Богдан Бельский. Все они постарались уклониться от прямого участия в злодействе. Непосредственными исполнителями стали дворяне Молчанов и Шафердинов, с отрядом стрельцов удушившие и царя Федора, и царицу Марию. Народу было объявлено, что царица и царевич отравились, но

многие тысячи видели их тела со следами от веревок... Захоронили их, как и Бориса, в Варсонофьевом монастыре на Сретенке. Имущество было конфисковано в казну, бояр Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых разослали по ссылкам в Сибирь и Поволжье.

“ Народу было объявлено, что царица и царевич отравились

Все та же боярская комиссия по приказу Дмитрия низложила верного Годуновым патриарха Иова. Басманов проклял его в Успенском соборе, стража сняла с патриарха его облачение. Иова заточили в монастырь в

Старице. На его место намечен был рязанский архиепископ Игнатий. Путь для самозванца был открыт. Его кортеж медленно продвигался из Серпухова в столицу.

Дмитрий обещал боярам пожаловать их прежние вотчины, Думу он пополнял своими сторонниками, в этом была суть соглашения. Наконец 20 июня кортеж Дмитрия вступил в Москву, ждавшую "доброго царя", которого защищала польская охрана, а русское войско шло позади. Москвичи встречали царевича восторженно, колокольным звоном и приветственными криками. На Красной площади был отслужен молебен, ход которого был нарушен польскими музыкантами, которые "поддержали" пение псалмов игрой на трубах и ударами в литавры. Под музыку Дмитрий прошел в Успенский собор, поклонился гробу "отца" – Ивана Грозного. Во дворце он сел на царский престол, с улицы москвичи встречали криками одобрения призывы бояр служить государю верой и правдой.

СМОТРИ ТАКЖЕ

На пороге Смутного времени? Сергей Чернышов – о сходстве эпох

Дмитрий первым делом сменил дворцовую стражу. На следующий день он созвал Освященный собор для смещения Иова. 23 июня на соборе Иова восстановили в сане, а затем отставили как бы по старости, назначив патриархом Игнатия Рязанского.

Далее последовало дело Василия Шуйского. Влиятельного боярина обвинили в заговоре против нового царя. Историки не пришли к общему мнению, был ли в самом деле умысел переворота, или за Василием числились лишь недовольные разговоры о самозванстве Дмитрия и старые грехи вроде Угличского расследования. какм бы то ни было, Василия Шуйского и двух его братьев взяли под стражу. Инициаторами розыска были Петр Басманов и Михаил Салтыков. О

следствии эксперты пишут, что надежных признаний в подготовке переворота или оскорблении величества не было. Скорее всего, влиятельного князя Василия, способного стать претендентом на престол в качестве потомка владимирских князей, хотели убрать с политического поля. Тем не менее, казнили дворянина Петра Тургенева и купца Петра Калчника. Был созван Соборный суд, князя обвинили в измене. Дмитрий обличил его "в умысле на меня" и в том, что его хотели "заставши врасплох в покое убить". Василий повинился в разговорах о расстриге и просил сжалиться. Собор осудил Шуйского на смерть, а братьев его – на тюрьму и ссылку.

Казнь Шуйского была назначена на 30 июня. Стрельцы оцепили Красную площадь, казаки и поляки заняли Кремль. Прочли приговор. Князь вновь покался в "бестолковых речах". Толпа явно ему сочувствовала. Уже на плахе царским указом Василий Шуйский был помилован по ходатайству членов Боярской думы и сослан в Галич. Царевичу пришлось уступить противникам опричных методов Петра Басманова, чтобы не портить начала царствования. Но он добился своего: обе самые сильные боярские группировки Годуновых и Шуйских были разгромлены, в Думу вошли те, кого он считал сторонниками, вроде возвращенных из ссылки Нагих или Голицына, и это позволило ему короноваться и править. Состав Думы был расширен, появились новые должности. Старый опричник Богдан Бельский стал боярином. Басманову был доверен Стрелецкий приказ.

| *"Божьей милостью император"*

В середине июля в подмосковное Тайнинское привезли "мать" самозванца Марфу Нагую. Царевич направился ее встречать 17 июля. На глазах толпы царица-монахиня признала "сына": вдова Грозного и смелый авантюрист прилюдно обнялись, приветствуемые криками толпы. 18 июля Марфа Нагая была на службе в Успенском соборе и вместе с "сыном" раздавала милостыню. Царица предпочла участие в спектакле и жизнь во дворце пребыванию в далеком монастыре. В будущем она сошлется на угрозы смертью как причину своего поведения.

Через три дня, 21 июля 1605 года, самозванец короновался, причем дважды: первый раз в Успенском соборе ему на голову патриарх Игнатий надел высокую корону, напоминавшую императорский венец Габсбургов. А в Архангельском соборе у могил "предков" архиепископ Арсений возложил на голову Дмитрия великокняжескую шапку Мономаха.

Wikimedia Commons

"Димитрий, император Московии". Польский портрет начала XVII века

После коронации все казалось устроенным. Дмитрий вынужденно согласился на роспуск своего войска. Поляки-наемники, да и казаки стали обходиться слишком дорого. Столько денег в казне не было, давать поместья Дума не хотела, хватило средств только рассчитаться по и так высоким расценкам. К тому же наемники себя не стесняли. Вольное их поведение будоражило Москву, становилось причиной опасных стычек с населением и могло довести столицу до бунта. Опасались "рыцарей" и казаков и бояре. Царю пришлось после коронации и новых стычек с москвичами, вызвавших волнения, наемным войскам уплатить сполна, если не золотом, то пушниной, и отправить их по домам. Осталось лишь немного казаков Корелы, который так и не стал боярином. Решение о роспуске, лишившее Дмитрия личной гвардии, сделало его положение в будущем уязвимым.

В Думе стали укрепляться представители старых родов. Новый государь должен был показывать себя кротким и милосердным. Первыми действиями царя стали многочисленные милости. Сабуровы и Вельяминовы были возвращены из ссылки. Часть Годуновых была прощена, троих вместо ссылки назначили воеводами в Тюмень, Свияжск и Устюг. Вернули, по просьбе царицы Марфы, также Василия Шуйского и его братьев. Получили прощение все родственники Филарета Романова, а его самого возвели в ростовские митрополиты. Служилым людям удвоили содержание, помещикам – земельные наделы за счет земель и средств монастырей. На юге, поддержавшем поход Дмитрия, снизили налоги. Кое-что досталось и народу: крестьяне, ушедшие в голодные годы от помещиков, закреплялись на новом месте. Розыск беглых был ограничен пятью годами, но он не распространялся на бежавших в дальние места "на Украины, верст за 200-300", туда, где поддерживали поход претендента. Закон 1606 года закреплял крестьян за новыми владельцами. Путивль освободили от налогов на 10 лет. Запрещена была потомственная запись в холопство. Ходили слухи о планах восстановить право выхода в Юрьев день. Следы этого историки нашли в проекте Сводного Судебника, так и не введенного в практику.

Царь приказал сменить старых дьяков и подьячих, потребовал, чтобы дела вели "без посулов", то есть взяток, но борьба с мздоимством и лихоимством не удалась, челобитных с жалобами поступало немало. Два раза в неделю жалобы принимал сам Дмитрий на Красном крыльце в Кремле.

“ Он пытался «всем дворянам милость» показать, чтобы «любимым быть»

В ближайшем окружении царя было немало поляков-секретарей, составивших его личную канцелярию, которая вела секретную переписку. Руководили ей Ян Бучинский и Станислав Слоньский, занимаясь и финансами, и доступом к царю,

и взаимодействием Ближней думой – узким кругом особо доверенных бояр вроде Басманова. Бучинский был против возвращения Шуйского, но царь его переубедил. "Дмитрий Иванович" рассуждал о том, что лучше действовать милосердием и щедростью, а не суровостью и казнями, но на все средств и внимания не хватало. И все же он пытался "всем дворянам милость" показать, чтобы "любимым быть". Но в первую очередь приходилось обхаживать самых знатных бояр и соблюдать ритуал. После роспуска повстанческой армии Дума все чаще становилась ограничителем власти нового самодержца. Дмитрий вынужден был ежедневно заседать с боярами в Думе с обсуждением важных и неважных государственных дел. В раздражении он часто укорял их в невежестве, предлагал ехать учиться в чужие земли, что вельмож, видевших себя как истинно православных людей, обижало и ожесточало.

Повышение жалования, раздачи денег, выплаты Юрию Мнишеку за поход и расходы на будущую свадьбу создали в казне немалый дефицит, и под будущие доходы царем давались личные векселя. На их уплату Дума через Казенный приказ даже установила ограничения. Дать разрешение полякам устроить домашний костел Дмитрию удалось с трудом.

В планы нового царя входила и военная кампания. Дума отвергла идею борьбы со Швецией, выгодную Польше. "Вечный мир" на севере боярам не хотелось нарушать. Зато стал готовиться поход на разорявшее набегами юг страны Крымское ханство и на крепость Азов. По ходу дела в переписке с римским папой и польским королем Дмитрий присвоил себе новый титул – "Божьей милостью император", который соседи не признали. (Первым "полноценным" императором Всероссийским станет Петр I в 1721 году). Дмитрий хотел построить коалицию католических стран и православной России против турок, но время было неудачным. Папа римский предложил Дмитрию увлечь других своим примером. Не найдя союзников, царь, однако, не отказывался от своих планов, лично проводил учения стрельцов и стрелял из пушек.

| Недовольство растет

Чем дальше, тем регулярнее Боярская дума конфликтовала с царем. Боярин Михаил Татищев отругал на пиру Дмитрия за приверженность к "нечистой" пище – телятине. Царь велел его сослать в Вятку, но за ревнителя благочестия вступилась вся Дума, включая и Басманова. Даже в мелочах Дмитрий не мог провести свои решения. Прорвавшись к власти на волне народных выступлений, новый царь оставил неприкосновенным старый порядок, пытаясь найти опору в прежней знати, которая вынужденно ему пока служила. Некоторые историки пишут, что то ли сам он, то ли советники надеялись провести чистку среди бояри продвинуть на ключевые посты иностранцев. План рискованный, подтверждений ему не находится. Зато публично Дмитрий говорил о том, что "желал бы дать новые права и писанные законы... и дать некоторую свободу боярам". Пока это выразилось лишь в отмене годуновского запрета некоторым видным боярам жениться. Самозванец готов был лично сватать им невест. Имелись у него и планы послать на учебу за границу молодых дворян, но сделано ничего не было. Из просветительских инициатив состоялось одно – за полгода окончили печатанье нового издания "Апостола".

Самозванец в роли царя явно выходил за привычные рамки поведения вроде охотничьих забав. Шли разговоры о пьянстве и распутстве, насилии над дочерью Годунова Ксенией. Впрочем, свидетельства эти появились после гибели самозванца. Вот что он сделал точно, так это удалил из Москвы родных Отрепьевых, отправил дядю Смирного-Отрепьева в Сибирь. Явно ухудшились и

отношения с "матерью", до которой дошли из Углича сообщения о планах убрать из собора могилу убитого царевича, раз это, как утверждала ныне официальная версия, подменный купеческий сын. По настоянию Марфы Дмитрий вынужден был простить и вернуть в Москву опасных бояр Шуйских во главе с князем Василием.

Public domain

Василий IV Шуйский, царь Московский (1606-1610). Портрет из "Царского титулярника" (1672)

А опасения заговора выросли, потому в конце 1605 года было нанято в гвардию царя 100 копейщиков и 200 алебардчиков для охраны монарха. На всякий случай был выслан в Кирилло-Белозерский монастырь с пострижением в монахи служилый царь времен Грозного [Симеон Бекбулатович](#). Даже слабый возможный конкурент пугал самозванца. В марте 1606 года были обнаружены стрельцы, которые открыто обсуждали опасную тему: царь – не истинный Дмитрий. По итогам следствия, проведенного Басмановым, семерых взяли под стражу, пытали, выдали на расправу верным стрельцам. Усомнившихся на глазах спешно собранных товарищей публично казнили.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Русская смута

Предстоявшая свадьба Дмитрия с Мариной Мнишек должна была быть грандиозной. Она давала шанс привести в Москву в виде охраны и гостей польское наемное войско, без которого царь чувствовал себя неуверенно. Это и было сделано – Юрий Мнишек на вербовал до 2000 пехотинцев и кавалеристов, гусар и гайдуков, которые должны были сопровождать будущую царицу в Москву. Вмешиваться в брачные дела боярам Дмитрий не дал. Заочное обручение состоялось в конце 1605 года в доме Мнишека в Кракове в присутствии короля Сигизмунда III и примаса Польши кардинала Мациевского. Мнишеку царем было прислано 200 тысяч злотых и 6000 золотых дублонов, обеспечивших сборы поезда невесты и ее приданое. Подготовка к путешествию и сам путь заняли месяца четыре. Только 2 мая 1606 года в золоченой карете в сопровождении кортежа всадников Марина въехала в Москву. Царь лично готовил церемонию. Он же сопровождал невесту до Вознесенского монастыря, где жила царица Марфа.

Народ доброжелательно приветствовал своего государя. А вот православные иерархи были недовольны: традиционная процедура венчания нарушалась, с монастырей царь взял немалые суммы в свое распоряжение: с Иосифо-Волоцкого монастыря 3 тысячи, а с богатого Троице-Сергиева – 30 тысяч. Боялись, что этим поборы не кончатся. Но открыто большинство не выступало. Архиепископ Гермоген считал, что Марину надо повторно крестить, но патриарх Игнатий посчитал достаточной церемонию миропомазания. Несколько неугомонных критиков выслали из Москвы, Гермогена отправили в Казань. Церковники приумолкли, но затаили обиду.

8 мая 1606 года торжества соединили церемонии коронации и свадьбы. Короновали невесту царя в Московии впервые, многих это шокировало. Все прошло спокойно, хотя церемония состояла из двух частей, на публичной коронации Игнатий провел обряд миропомазания. Причастие из рук патриарха Марина принимала во второй, закрытой части, когда венчались без иностранцев, по православному обряду. Оба они, Марина и Дмитрий, причастились, причем невеста нарушила запрет Ватикана. Власть была важнее отхода от ритуала.

Пригласив иноземные войска, Дмитрий явно бросил вызов Боярской думе: демонстрируя свою новую опору, он показывал свою независимость от нее. В боярских хоромы перед свадьбой царя с Мариной Мнишек бурно спорили о его женитьбе на полячке. И не только об этом. Многие сторонники и противники Дмитрия уже не верили в историю о его царском происхождении. Одни продолжали верно ему служить, другие вставляли палки в колеса и готовились к борьбе за власть. 15 мая 1606 года с польскими послами бояре обсуждали войну с турками, но отказались сообщить план кампании и численность армии. Встреча была сорвана. Царь обещал провести переговоры самолично.

Вошедшие в Москву наемники вели себя развязно, затевали ссоры и бряцали оружием. Своим поведением они провоцировали конфликты и могли довести до бунта. Ропот вызывали то проповедь лютеранского пастора, то слухи о телятине на пиру. За неделю-другую настроение масс начало портиться. Дмитрий перемен в атмосфере не чувствовал, хотя какие-то люди пускали в толпе слухи, что сам он некрещеный иноземец, который не чтит православные святыни.

Заговорщики во главе с Шуйским на свадебных пирах вели себя послушно, во всем потакая государю. Но уже в ночь 15 мая толки о готовящемся заговоре дошли до дворца Дмитрия. Были усилены караулы, однако ничего не случилось. Не чувствуя достаточной поддержки, заговорщики отложили выступление. Возможно, они увидели, что столичный люд осерчал на непрошенных гостей, но еще вполне лоялен царю.

| Крах

Казалось, что Дмитрий игнорирует доносы. Но он вызвал под Москву верные отряды боярских детей из Путивля и Рязани, Басманов рассчитывал на стрельцов, да и поляки были не лишними. Еще ветеранов московской политики мог взволновать поход в столицу из Самары казачьего отряда в 4 тысячи человек некоего "[царевича Петра](#)", еще одного самозванца, которого Дмитрий специальным гонцом позвал идти "наспех" в город, чтобы "в крайней нужде оказать ему помощь". Опоздал он ровно на сутки.

“ Поляки бьют государя! Хотят убить царя и бояр!

У заговорщиков, во главе которых стоял князь Василий Шуйский, было не так много людей, готовых свергнуть Гришку Отрепьева. Надо было отвлечь Сыскное

ведомство, переключив его на предотвращение стычек поляков с горожанами, и это удалось сделать, поднимая градус вражды домыслами, что "Литва" (многие члены иноземного войска были родом из Великого княжества Литовского) готовится погубить бояр. Несколько стычек 14 и 15 мая подлили масла в огонь. 16 мая прошло спокойно, но в этот день некий служилый немец и братья Стадницкие предупредили окружение царя о готовящемся на завтра мятеже. Юрий Мнишек передал зятю доносы от солдат и челобитные от москвичей. "Император" отверг предположения о наличии измены, но отдал приказ о повышении бдительности стражи. Каких-то подозрительных задержали, но ничего у них не выяснили. Во дворце не подозревали, что во главе заговора стоят Василий Шуйский и Василий Голицын, делавшие ставку на прибывших из Новгорода своих сторонников. Всего заговорщиков было 200–300 человек. На рассвете 17 мая в час смены караулов заговорщики с подворья Шуйского двинулись в Кремль. Стрельцы как раз ушли в казармы, а во внутренних покоях дворца было до 30 стражников.

Братья Шуйские и Голицыны во Фроловских воротах не насторожили охрану. Ношедшие за боярами люди напали на стражу и разогнали ее. Захватив вход в Кремль, Шуйский приказал поднимать массы посадских. Для того, чтобы собрать толпу посадских, ударили в набат. К Кремлю бежали и противники, и сторонники самозванца, туда же двинулись и иностранные отряды, которые были остановлены. В толпу заговорщиками был брошен клич: "Поляки бьют государя! Хотят убить царя и бояр!" Наемные роты народ не пустил в Кремль, и они отошли в казармы.

"Последние минуты Дмитрия Самозванца". Картина Карла Венига (1879)

В это время в Кремле дьяк Осипов попытался у спальни зарезать царя, но сам был убит Басмановым. Тело выбросили в окно, шокировав публику. Толпа, в которой было много мятежников, требовала царя. На крыльцо вышел Петр Басманов и стал увещевать народ. Среди пришедших было много случайных людей и стрельцов. Главе Стрелецкого приказа удалось овладеть вниманием собравшихся, но в этот момент дворянин Татищев ударил его в спину ножом и смертельно ранил. Начался штурм дворца толпой во главе с самим Василием Шуйским. Внешнюю охрану здания, потерявшую командира, разоружили.

Внутри Дмитрия охраняли 15 немцев. Двери покоев под напором трещали. Царь бежал тайным ходом. В одной из каменных палат он прыгнул из окна с высоты 20 локтей (8–10 метров) и вывихнул ногу. Около него оказались караулы стрельцов из Северской Украины. Дмитрий просил защитить его от Шуйских. Царя внесли в соседние "хоромы", где эту группу вновь атаковали мятежники. Стрельцы отстреливались, но силы были неравными, и они сдались. Дмитрия привели во дворец и начали избивать, толпа на улице меж тем росла, и настроения прибывавших были явно в пользу царя. И тогда заговорщики решили действовать. Купец Мыльник первым выстрелил, за ним на царя бросились дворяне Валуев и Воейков. Расправа была зверской.

Чтобы совладать с толпой, бояре объявили с крыльца, будто убитый успел признаться, что он не истинный Дмитрий, а расстрига Григорий Отрепьев. Тело поволокли к терему царицы Марфы, которая отреклась от мнимого сына. Затем труп выставили на три дня на площади. Бросили в яму, потом сожгли, а пепел выстрелили из пушки в направлении запада... Так окончился земной путь Дмитрия-самозванца, возможного Григория Отрепьева. И началась большая Смута.

| *Что если бы он победил?*

Каковы были альтернативы? Самозванцу могли не поверить еще в Польше. Последствий не было бы, могла бы закрепиться у власти династия Годуновых. Другой вариант: самозванный поход мог закончиться у одной из южных крепостей полным разгромом или гибелью Дмитрия. В истории осталась бы одна из незаметных авантур, достойная одной строки в учебнике в главе о правлении Федора Годунова.

На каждом этапе экспедиции жизнь претендента была под угрозой, и убей его кто-то до захвата власти, опять же авантюра закончилась бы провалом, не влияющим принципиально на ход исторических событий. Но к Дмитрию пришла удача в виде измены части правительственной армии под Кромами и последующего стихийного восстания посадских в Москве.

Совсем иную обстановку создал захват власти в столице с последовавшей через год гибелью "царя Дмитрия". Явление лжецаревича на трон показало реальную возможность силовой смены власти, чего в Москве давно не было. При этом Федору Годунову, а потом и Дмитрию, присягали, целуя крест, но потом их предавали. Была уничтожена ценность присяги, что способствовало всем последующим переворотам.

“ Явление царевича на трон показало возможность силовой смены власти, чего на Москве давно не было

С гибелью Лжедмитрия для многих поверивших ему окончательно прервался род законных наследников престола из рода Рюриковичей. А раз так, возможны стали любые претенденты на царство. Бояре без созыва Земского Собора объявили царем Василия Шуйского. Но он не рискнул идти

по пути Дмитрия, претендовавшего во время гражданской войны на права самодержца. Власть Василия была ограничена данной Думе "крестоцеловальной записью", обещанием отказа царя от права бессудной опалы. Тем не менее, его правление стало временем жесточайшей битвы за власть, поскольку у царя Василия было несколько сильных конкурентов, имевших не меньше прав на трон.

Все происходившее в царствование Дмитрия было для народа столь невероятно, что многие думали: почему бы вновь не произойти чуду? Не случайно, что на волне слухов об очередном чудесном спасении Дмитрия в борьбу за власть в Московском царстве вступила новая волна самозванцев, среди которых выделяется второй Лжедмитрий, по месту расположения его сил прозванный "Тушинским вором". Таковы вкратце последствия взлета и падения Дмитрия-самозванца.

Но представим себе развилку – позитивное продолжение невероятной для Дмитрия истории. Заговор Шуйских 16 мая 1606 года вовремя раскрывают. Нападение на дворец не удастся. Двор Шуйских окружен и взят штурмом польской гвардией и стрельцами. Что дальше? Расправа с непокорной частью бояр и новая опричнина? Тогда вполне реально превращение Дмитрия в императора, опирающегося на силу военной диктатуры и бюрократию приказов. Впереди перераспределение боярской собственности и земель монастырей среди служилого мелкого дворянства. За создание боеспособной гвардии и полков иноземного строя нужно платить.

Вероятно, что не слишком удачный (как обычно) поход на Азов и Крым потребовал бы для продолжения войны с османами новых европейских технологий: строительства кораблей на Дону и литья современных пушек. Нужны деньги. Для скорой доставки товаров и вывоза "мягкой рухляди" (пушнины) и леса понадобился бы порт на принадлежащей Московии Неве – Царев-Дмитриев. Наступает эпоха участия иноземцев во власти. Мода на иностранное платье и учение наукам. Дмитрий посылает юношей на учебу в Европу и сам едет с Великим посольством в Британию... Готовится открытие университета. Эпоха крутых реформ наступает за сто лет до того, как в реальной истории ее начал царь Петр Алексеевич.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Смутное время в книге Бориса Пудалова

Скорее всего, совсем уж "петровский" сценарий был невероятен, поскольку для самозванного царя приоритетом, как это реально было, оказалось бы не проведение реформ, а крепкое удержание власти. А это значит, что главной заботой все же стало бы создание и поддержание в тоне верной царской охраны и Сысского ведомства, способных вскрывать заговоры и предотвращать бунты. Собранные подати пришлось бы тратить не столько на Печатный двор и мануфактуры, сколько на подкуп влиятельных и опасных военных лидеров.

Рано или поздно недостаток легитимности или военное поражение могли вернуть Москву все к тем же рискам переворота, который и произошел в реальности. Так вышло и с Шуйским, свергнутым довольно скоро, в 1610 году. Исторический опыт подсказывает, что в начале XVII века невелики были шансы у Дмитрия (как и у любого, захватившего власть), эволюционно проводить в России минимально необходимые преобразования при наличии элиты, глубоко уверенной в пользе сохранения местнических правил, а также традиций, отчасти унаследованных от Орды. Революционный же, насильственный способ укрепить переживавшее кризис государство требовал такого умения рисковать в сочетании с дальновидностью, что оказывался не по плечу даже самым талантливым политическим игрокам.

В ужасах Смутного времени закономерно не удержались на московском престоле три царя, которым присягала страна (Федор Годунов, Дмитрий и Василий Шуйский), не доехал до Москвы призванный боярами править польский королевич Владислав и погиб почти добравшийся до трона второй тушинский самозванец. Понадобилось полтора десятилетия на хоть какое-то успокоение Московии, пережившей опричнину, Ливонскую войну и голод, измученной внутренним разладом и внешними затеями правителей.

Установите Мобильное приложение Радио Свобода

Установить

Читайте Свободу в Телеграме

Войти

Подпишитесь на Свободу в Google новостях

Подписаться

Этот контент также в категориях

История

Выбор Свободы